

«ЧАСТНОЕ» И «ПУБЛИЧНОЕ» В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК УЧАСТКОВОГО (ОПЫТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ)¹

Екатерина Ходжаева

Екатерина Ходжаева – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева (КАИ). Адрес для переписки: ул. К. Маркса, 10, Казань, 420111, Россия. ekatherina.khodzhaeva@gmail.com.

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время – и в процессе, и по итогам реформирования российской милиции (а теперь уже полиции) – в публичных и профессиональных дискуссиях отражены и подвергнуты критике многие проблемы управления и распределения внутриведомственных задач: нацеленность работы на «показатели», а не на результат, высокая текучесть кадров, низкий уровень правовой грамотности среди сотрудников низового состава². Публикации в прессе отмечены вниманием к повседневным аспектам профессиональной деятельности полицейских: низкой материально-технической оснащенности, изматывающим условиям труда (вплоть до 12-часового рабочего дня или покупки наручников из собственных средств), невысоким зарплатам и слабой социальной защищенности низовых сотрудников МВД и их семей. Однако в социологических исследованиях милиции, которые ин-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (код проекта 11-03-00257а). Автор выражает благодарность анонимным рецензентам журнала, а также Анн Ле Уэру за комментарии и рекомендации по переработке первоначального варианта статьи.

² Здесь и далее понятия «низовые сотрудники», «низовой состав» употребляются в том смысле, которым они обладают в рамках милицмейской (полицейской) практики. Характеристика «низовой» отсылает к общей иерархии службы, а не к «высоте» индивидуальных рангов. Среди участковых можно встретить офицеров вплоть до подполковников, которые, конечно, не являются ни «низшими чинами», ни «рядовым составом».

тенсифицировались в России с начала 2000-х годов, внимание к повседневным аспектам было, на наш взгляд, недостаточным. Обобщая социологические исследования, посвященные функционированию милиции, можно условно выделить их четыре основных типа.

Во-первых, самое популярное направление исследований милиции постсоветскими социологами – это изучение отношения общественности к МВД (преимущественно, путем массовых опросов населения³).

Во-вторых, часто встречаются исследования, выполненные социологами или аналитиками, сотрудничающими с различными правоохранительными институтами. Имея целью легитимировать существующее положение дел, они в мягкой форме отмечают среди прочего некоторые негативные аспекты повседневной службы сотрудников милиции. Для таких работ характерен сугубо позитивистский подход с опорой на количественные данные и макроанализ проблем⁴.

В-третьих, значительный корпус социологических исследований милиции выполнен по заказу или силами либерально ориентированных и правозащитных организаций (Московская Хельсинкская группа, фонд «Общественный вердикт», центр «Демос» и др.), а также индивидуальными исследователями, которые обычно фокусируют свое внимание на противозаконной деятельности милиции, коррупции, злоупотреблениях властью, в том числе – на насилии и пытках⁵. В Казани подобные исследования осуществляет Правозащитный центр⁶. Отметим, что в некоторых исследованиях, выполненных в рамках этого направления, активно используются качественные данные (преимущественно материалы интервью). Авторы этих работ пытаются показать проблемы милиции глазами рядовых сотрудников, понять их профессиональный мир, хотя и не уделяют большого внимания деталям повседневности (см., например: Милиция между Россией и Чечней... 2005; Новикова 2005; Гладарев 2008, 2011).

В-четвертых, стоит указать на такие исследования, которые сосредоточены в основном на одном из аспектов повседневного функционирования этого института. Так, в ряде проектов исследовались неформальные экономические практики в среде сотрудников милиции⁷, роль милиции в усилении ксенофобии и этнических

³ См., например: Левада 2005; 2006; Гилинский 2003; Мазаев 1997; 2004; Гудков 2000; 2003; Дубин 2005.

⁴ Авдонкин 2010; Артемьев 2007; Артемов 2000; Кожевников 1999; Поботкин 2006; Погодина 2006; Тарасов 2002; Сафронов 1997; Синельщиков 1999; 2000. См. также подробный анализ публикаций таких специалистов в статье Асмик Новиковой (2006).

⁵ 15 лет российской милиции 2005; Абрамкин 1997; Индекс произвола правоохранительных органов... 2005; Нарушения прав человека российскими правоохранительными органами... 2005; Молодежь и правоохранительные органы – проблема доверия... 2006; Произвол правоохранительных органов... 2002; Реформа правоохранительных органов: преодоление произвола... 2005; Милиция между Россией и Чечней... 2005; Тейлор 2005; Физическое насилие в правоохранительных органах... 2004; Gerber, Mendelson 2008 и др.

⁶ Каблова, Чиков 2003; Каблова, Хабибарахиманов и Чиков 2003; Закон и его жертвы... 2004.

⁷ Коленникова, Косалс, Рывкина, Симагин 2002; Коленникова, Косалс, Рывкина 2004; Эко-

противоречий в России⁸. Некоторые исследователи сосредоточили свое внимание на повседневной работе такого обособленного подразделения МВД, как ГИБДД (см., например: Халиуллина 2005). Стоит также отметить статьи, посвященные милиции общественной безопасности, в том числе участковым уполномоченным: они акцентируют внимание на процессе милитаризации данной системы и включении в эту структуру гражданской поддержки и самоорганизации населения⁹. Как правило, такие исследования выполняются независимыми исследователями или группами, нередко – с международным участием.

Настоящая статья укладывается в рамки последнего из перечисленных направлений. Автор независима от ведомства, однако не имеет установки, свойственной правозащитному дискурсу, – фокусироваться только на тех действиях сотрудников милиции, которые нарушают права человека и законодательство. Статья не претендует на описание системы в целом, напротив, она нацелена на микроанализ повседневности сотрудников низового подразделения МВД одного из городских районов. Подобный подход (который можно назвать этнографическим) позволяет раскрыть стороннему читателю «скрытые», «невидимые», «фоновые» аспекты повседневности. Понимание этого «фона» профессии способствует пониманию системы в целом.

В статье представлено описание пространственных аспектов профессиональной повседневности участковых уполномоченных милиции (далее – участковых или УУМ) в одном из районов Казани. Цель этого описания – показать, каким образом конструируется пространственное измерение жизненного мира данной профессиональной группы. Более конкретно, я постараюсь ответить на вопрос о том, каким образом институт полиции «зонирует» городское пространство и как эти городские зоны практически осваиваются участковыми в ходе повседневной деятельности. В статье будет предложено как общее описание таких пространств, так и характеристика реализующихся в них типичных практик. Сами пространства будут описаны в контексте их восприятия сотрудниками милиции, исходя из того, как ими (сотрудниками) определяется социальный «профиль» территории – района, участка, конкретного дома или иного объекта.

В первой части статьи я кратко охарактеризую эмпирическую базу исследования и покажу, каким образом ее специфика влияет на исследовательскую интерпретацию. Затем последует краткое описание специфики работы участковых на момент наблюдения и, прежде всего, решаемой ими задачи по категоризации населения в процессе сбора данных о контролируемой территории. Далее я перейду к плотному описанию пространственных аспектов повседневной работы участковых. При этом я покажу четыре пространственных уровня, в которых выстраивает-

номическая деятельность работников милиции... 2003; Коленникова 2006; Косалс 2005; Косалс, Изюмов 2010; Kosals 2010; Салагаев 2004.

⁸ Щедрина 2005; Полиция в многокультурном обществе... 2004; Оукли 2007; Крайдерман, Брайн, О'Тул, Крис, Флерас, Оги 2005; Гладарев 2009; Гладарев, Цинман 2010; Ходжаева 2010; Милиция и этнические меньшинства... 2011; Этнически избирательный подход... 2006.

⁹ Favarel-Garrigues, Le Huérou 2004; Le Huérou 2002.

ся их профессиональная деятельность, а также представлю практики, характерные для тех или иных зон, и их восприятие участковыми: 1) административный участок; 2) пространство опорного пункта общественного порядка; 3) профессиональное пространство районного уровня; 4) город в целом. В заключении я дам обобщающий комментарий к представленным данным, основное внимание в котором будет сосредоточено на проблеме соотношения частного и публичного в пространственной организации повседневности представителей этой профессии.

1. МЕТОДОЛОГИЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

В духе традиций исследований по этнографии города я рассматриваю группу участковых как специфическое городское сообщество, члены которого обладают общей идентичностью, выстраивают групповые горизонтальные связи, имеют свойственную только данной группе локализацию в городском пространстве. Данный подход развивается в социальных науках со времен Чикагской школы и подразумевает понимание города как неоднородной мозаики населяющих его сообществ (метафора «базара» Питера Лангера)¹⁰. Обладая специфической идентичностью и локальной укорененностью, эти сообщества, тем не менее, не являются автономными по отношению друг к другу, но, напротив, соприкасаются, вступают во взаимодействие с другими группами и иногда, как в случае изучаемой профессиональной группы, их контролируют. Отличие моего подхода от традиционной этнографии города состоит в том, что основанием для выделения группы участковых в качестве специфического городского сообщества является их совместная деятельность, а не просто локальная общность. Отмечу также, что я не склонна воспроизводить морфологический подход в социологии города, объективирующий влияние типов расселения и застройки на социальные характеристики населения. Типы микрорайонов меня интересуют, прежде всего, как объект представлений членов изучаемой профессиональной группы, а не статистического анализа. Прием картографирования используется в работе лишь для того, чтобы показать субъективное восприятие участковыми расположения опорных пунктов.

Эмпирической основой статьи служат дневниковые записи и неформализованные интервью, собранные в рамках исследовательского проекта «Милиционеры и этнические меньшинства: практика взаимодействия в Казани и Санкт-Петербурге»¹¹, проведенного в 2006–2008 годах. Исследование предполагало совмещение разных методов: анализ законодательства, дискурс-анализ ведомственной и общественной прессы, интервью с сотрудниками милиции и мигрантами, а также включенное наблюдение за профессиональной жизнью низового состава сотрудников милиции общественной безопасности (далее – МОБ) на примере службы УУМ и сотрудников патрульно-постовой службы (ППС). Включен-

¹⁰ См. подробнее: Чешкова 2000; Трубина 2010.

¹¹ Исследование было проведено при поддержке фонда Дж. и К. Макартуров петербургским Центром независимых социологических исследований (руководитель – Виктор Воронков) и казанским Институтом социальных исследований и гражданских инициатив (руководитель – Лилия Сагитова). См. итоговую монографию по проекту: Милиция и этнические меньшинства... 2011.

ное наблюдение удалось осуществить лишь в Казани. Наблюдение проводилось с февраля по июль 2007 года тремя казанскими исследователями (Лилией Сагитовой, Ольгой Максимовой и автором настоящей статьи) в одном из районов города. Доступ в «поле» обеспечивался разрешением на проведение исследования, полученным руководителем проекта Лилией Сагитовой на уровне руководства МВД Татарстана.

Выбор объектов наблюдения определялся, во-первых, стремлением максимально широко представить в исследовании разные типы участков и, во-вторых, желанием самих сотрудников милиции принять участие в проекте. Наблюдение в службе УУМ включало в себя дежурство с участковыми инспекторами во время приема граждан, а в неприемные дни – работу по вызовам вместе с ними. Исследовательской задачей, которая стояла перед нами, было описание повседневной профессиональной жизни «простого милиционера». Для решения этой задачи были собраны обширные данные об условиях работы и практиках взаимодействия с населением сотрудников четырех опорных пунктов. Настоящая статья базируется на личных дневниках наблюдений за работой участковых (26 наблюдений длительностью от двух до шести часов). Кроме того, в случае необходимости привлекаются материалы, собранные моими коллегами. В тексте я ограничусь упоминанием лишь самых общих характеристик наблюдаемых, сохраняя анонимность наших информантов.

Важно принять во внимание, что и описание пространства, в котором проходит повседневная жизнь участковых, и сделанные обобщения являются «побочным продуктом» коллективного исследования, основной целью которого был анализ взаимодействия милиции с этническими меньшинствами. Идея этой статьи возникла в процессе самого исследования, поскольку и в нарративах участковых, и в нашем опыте включения в их сообщество неизменно присутствовали пространственные категории. С одной стороны, подобный материал ценен тем, что собран без всякой специальной интенции, отражает важные категории, проявляющиеся в материалах проекта как бы попутно, естественным образом. С другой стороны, собранные данные носят бессистемный характер, которого удалось бы избежать, если бы исследование было изначально сфокусировано на данной теме. В этом случае я могла бы применить некоторые другие методы исследования – например, построение субъективных карт городских пространств, что позволило бы подробнее изучить восприятие участковыми контролируемых ими зон.

Наконец, читателя следует предупредить о том, что определенное влияние на характер исследовательской интерпретации оказал личный опыт включения в повседневность изучаемой профессиональной группы. В своей статье, обобщающей методические аспекты нашего полевого опыта, Ольга Максимова охарактеризовала достигнутую степень включения в жизнь участковых уполномоченных как «полное»¹² (Максимова 2011а): каждая из нас через полгода наблюдения получила статус внештатного сотрудника милиции, мы нередко становились не просто «гостями-наблюдателями», а участницами профессиональной жизни (выступали

¹² Этого, кстати, в силу разных причин не удалось достигнуть в работе с сотрудниками ППС.

понятыми, помогали фальсифицировать материалы дел, оказывали поддержку при работе по вызовам и пр.). Это неминуемо привело к тому, что мы невольно начали воспроизводить в дневниках и – частично – в анализе риторику и логику участковых, относя, например, противоправные действия сотрудников милиции прежде всего на счет существующих внутрисистемных противоречий и не видя в них результата личного выбора¹³. В итоге мы отказались от резко критического взгляда на деятельность сотрудников МВД, и непредвзятый читатель может обвинить меня если не в ангажированности, то в мягкости оценок или в нормализации негативных практик этой профессии. Несмотря на то, что я осознавала указанный сдвиг в моей гражданской позиции, я не воспринимала это как проблему. Благодаря этому я имела возможность «вчувствоваться» в повседневный опыт изучаемого сообщества, увидеть мир глазами его участников, понять внутреннюю логику повседневных практик – то, что удастся сделать в социологических исследованиях сравнительно редко.

2. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ УЧАСТОК – КАТЕГОРИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОСТРАНСТВА

Должность УУМ среди всех позиций в системе МВД (включая тех, кто работает «на земле»¹⁴) является, пожалуй, наиболее территориально «укорененной». Участковый – единственный представитель ведомства, который несет ответственность за обеспечение правопорядка на определенном административном участке. Он является также опосредующим звеном между населением или организациями и системой МВД в целом. Без его участия невозможно производство большинства административных и уголовных дел, а также ряда гражданских процедур – например, фиксации факта смерти человека в жилом помещении или встречи представителей районной администрации с населением.

Для рядового представителя этой профессиональной группы «земля» ограничивается территориальными пределами подконтрольного участка, а для старшего участкового – целого микрорайона. Само это слово имеет несколько скрытых смыслов: во-первых, оно отсылает к идее «хозяина на земле»¹⁵, во-вторых, обозначает ресурс, который позволяет «прокормиться», в-третьих, работать «на зем-

¹³ Вот как об этом пишет в своем дневнике моя коллега:

Мои чувства при подписании протоколов достаточно противоречивы, поскольку сама являюсь автомобилистом и знаю, что это за проблема – найти свободное место у дома для парковки. При этом прекрасно осознаю, что действия милиционеров неправомерны в данной ситуации. Но, выслушав их точку зрения о том, что они обязаны реагировать на жалобы «скандальных старушек» и принимать меры, иначе те начинают строчить жалобы уже на самих участковых, начинаешь понимать, что участковые фактически оказываются заложниками несовершенства нашей законодательной системы (Максимова 2011: 575).

¹⁴ В профессиональном языке милиционеров этим выражением обозначаются служебные позиции, привязанные к работе с населением, обычно – при городских или районных управлениях и отделах.

¹⁵ «Кто тут ходит по моей земле?» – шуткой встречает в опорном пункте коллег из РУВД старший участковый (наблюдение от 23.03.2007).

ле» значит занимать более низкую по статусу позицию в ведомственной иерархии по сравнению с «начальством в кабинетах»¹⁶.

Согласно существующим нормам каждый участковый должен принять на себя контроль за общественным порядком на территории с населением от 3 до 3,5 тысяч человек. В сферу непосредственного контроля старшего участкового должен входить участок с населением не более полутора тысяч человек, а также общее руководство работой подчиненных ему сотрудников (двое–четверо участковых, работающих в одном микрорайоне)¹⁷. Однако принцип распределения административных участков на практике совершенно иной – он восходит к существующему административному делению микрорайонов и практически не учитывает численности населения. Нормативы не соблюдались ни в одном из четырех наблюдаемых опорных пунктов: на трех сотрудников в каждом из них приходилось, по самым скромным подсчетам, от 16 до 40 тысяч человек. Кроме того, в случае отсутствия подчиненных по тем или иным причинам их работу в одиночку выполнял старший участковый. Так, на одном из опорных пунктов с декабря 2006 по май 2007 года работу во всем микрорайоне (три административных участка), в котором проживают около 20 тысяч человек, осуществлял один старший участковый. При этом формально в опорном пункте числилось трое сотрудников (один из отсутствующих был на больничном, а второй проходил обучение, после которого сразу же перевелся в другое подразделение МВД).

Административный участок, закрепленный за конкретным работником, – основной объект профессионального внимания. Он имеет как территориальный, так и социальный аспекты. Первый проявляется в определении непосредственных границ участка, а второй связан с фиксацией специфики объектов и населения, находящихся на его территории. Оба находят документальное закрепление в паспорте на административный участок¹⁸, в котором, помимо территориальных показателей (таких как площадь, план района), содержится информация о его социально-экономических и демографических параметрах:

- количество и тип жилых строений: индивидуальные и многоквартирные дома (последние – с указанием числа квартир), общежития и гостиницы;
- социальная инфраструктура участка, фиксируемая подробно по категориям¹⁹;

¹⁶ «...И пояснил, что его работа – тут, «на земле», работать с людьми, общаться, решать проблемы. А есть начальники, чья работа (за что им платят зарплату) – это проводить разъяснительную работу среди таких, как он» (наблюдение от 17.03.2007).

¹⁷ Приказ от 16 сентября 2002 года №900 «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции». Зарегистрировано в Минюсте РФ 20 ноября 2002 года №3936.

¹⁸ См. Приложение 4 к «Инструкции по организации деятельности участкового уполномоченного милиции». Приказ от 16 сентября 2002 года №900 «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции».

¹⁹ Интересна сама номенклатура объектов инфраструктуры, обязательных для фиксации в паспорте; она «вписана» в общую систему работы участкового уполномоченного и включает в себя а) особо важные объекты жизнеобеспечения; б) предприятия, учреждения, организации, среди которых отдельной строкой выделяются финансовые; в) лечебно-оздоровительные,

– состав населения, проживающего на данной территории.

Перечень параметров населения представляет особый интерес, поскольку он отражает внутриведомственный способ категоризации граждан и «увязывает» социальные группы с основными должностными обязанностями и направлениями повседневной работы сотрудника службы УУМ.

Итак, какие же демографические параметры фиксируются? Их всего два – общая численность населения и отдельно количество взрослых и детей. Все остальные категории составляют не социологический, а криминологический портрет населения и сгруппированы в типы, которые участковые, согласно инструкции, должны контролировать или с которыми они должны вести профилактическую работу. Так, паспорт участка (как и другие документы, например, паспорт на жилой дом) содержит подробные сведения о каждом человеке с указанием личных данных представителей, основных контактных групп (см. Приложение). Перечень личных данных меняется в зависимости от категории и отражает порядок делопроизводства по тому или иному направлению: для тех социальных категорий, которые признаются «общественно приемлемыми» (например, владельцы оружия или автомобилей), в личных данных фиксируются фамилия, имя и отчество, место жительства и работы, должность, домашний и рабочий телефоны. В отношении преступных или потенциально опасных групп (например, «судимые», «наркозависимые» и пр.) список личных сведений шире и включает помимо названных выше дату и место рождения. В паспорте административного участка также фиксируется информация о совершенных на его территории преступлениях, в том числе отдельно обозначается похищенный автотранспорт. Таким образом, составление документов на участок в целом или на отдельный жилой дом институционально обеспечивает закрепленную в инструкции обязанность участкового знать территорию контролируемого участка и его социальную специфику²⁰.

Каким образом собирается эта детальная информация об участке и населении? Наблюдение и неформальные беседы с участковыми показали, что используются три источника пополнения и изменения данных в документации, унаследованной от предшественников:

1) личная инициативная работа участкового с населением: данные собираются в ходе поквартирных обходов, опросов соседей при сборе материалов по текущим делам;

2) обращения граждан и представителей организаций, например, для получения справки от участкового или подачи заявления. В этом случае участковый обычно уточняет контактные данные и делает пометки в своих документах;

3) информация и запросы от других служб МВД (например, Федеральной миграционной службы) или других государственных ведомств (военкоматов, санэпидемстанций, психоневрологических диспансеров и пр.).

культурно-просветительские и образовательные учреждения; г) объекты торговли и общественного питания; д) учреждения жилищно-коммунального хозяйства; е) объекты разрешительной системы; ж) частные детективные и охранные предприятия, службы безопасности предприятий, организаций; з) общественные объединения правоохранительной направленности.

²⁰ Пункты 7.2.2 – 7.2.4 Инструкции.

Далеко не все участковые ведут данную документацию аккуратно, последовательно и полно, хотя собранные базы данных могут значительно облегчать им работу. Особую важность они получают в тех случаях, когда участковые вынуждены симулировать деятельность по тем направлениям, которые представляются им «неважными», но контролируются начальством. Так, мы не раз подписывали «объяснительные» от лица граждан, личные данные которых были взяты из паспорта дома. Например, в случае необходимости выявления лиц, уклоняющихся от призыва, участковые довольно часто используют стратегию написания объяснительной от имени матери о том, что «она не знает, где проживает ее сын». Имея информацию о семье (вплоть до паспортных данных), участковый уполномоченный может, не покидая опорного пункта и не встречаясь с семьей (то есть, по словам самих участковых, «работая головой, а не ногами»), оформить такую объяснительную и попросить знакомых поставить подпись. Тем самым минимизируются временные затраты и силы по выполнению «пустой» работы.

Другой пример инструментального использования базы данных: сведения из нее позволили участковому оформить материал, не выходя из помещения опорного пункта (наблюдение от 27.03.2007). Участковый получил поручение от следователя, халатно расследующего кражу кошелька у покупательницы на рынке в августе 2006 года. Дело не подлежало списанию, так как, по мнению прокуратуры, работники милиции не опросили достаточное количество свидетелей на рынке. Поэтому более чем через полгода после происшествия участковый, на административном участке которого находится рынок, должен был опросить продавцов и посетителей объекта, чтобы установить свидетелей кражи. Для того чтобы представить читателю объем бумажной работы по этому заведомо бессмысленному, по мнению участкового, мероприятию, стоит объяснить, что он должен не только пройти по рынку и расспросить граждан, составив по результатам опроса рапорт, но также у каждого из опрошенных взять объяснение даже в том случае, если он или она ничего не видели и про кражу прошлогодней давности не знают. Заниматься этим бесперспективным делом в весеннюю распутицу участковому не хотелось, поэтому мы с ним написали порядка пяти объяснительных от продавщиц рынка, контактные данные которых были зафиксированы в паспортах участка и домов, фальсифицируя тем самым материалы дела.

Помимо сбора формальных сведений об участке, его структуре и населении участковый обязан знать и его неформальные характеристики. На сухом языке инструкции: «7.2.5. Места концентрации лиц с противоправным поведением, а также места, где чаще всего допускаются нарушения общественного порядка и совершаются преступления». В практическом плане каждый участковый, который достаточно давно работает на своем административном участке, прекрасно осведомлен о его «криминальном пространстве»:

– о его «локусах»: где, в каких домах (и конкретно – в каких подъездах, квартирах), дворах и на каких детских площадках собираются «молодежь», «наркоманы», «алкаши»; живут «приезжие», «неблагополучные семьи», «сумасшедшие», «охотники» (как основные владельцы огнестрельного оружия); где нарушаются

правила парковки или моют свои автомобили владельцы; где находятся рынки, магазины, ломбарды, места совершения краж и сбыта краденного;

– о его «трафиках»: как устроены маршруты передвижения занятого и незанятого населения, какие «тайные тропы» известны названным криминогенным группам, как быстрее пройти дворами, чтобы сэкономить время при работе по вызовам и пр.;

– о его основных «персонажах» (например, о «заядлых нарушителях общественного спокойствия», с которыми участковый, как правило, знаком лично).

Люди, на которых участковый когда-либо собирал материалы (например, для возбуждения уголовного дела), после освобождения из заключения регулярно посещают «своего» участкового, поскольку поставлены им на учет. Представители «потенциально криминальных» групп населения используются участковым как информаторы, иногда их подговаривают для совершения преступления²¹. Например, одна из стратегий «раскрытия» наркопритона – подговорить наркопотребителя принять наркотические средства в квартире, владелец которой страдает алкоголизмом. Для этого необходимо владеть специальной информацией, знать, каковы жизненные обстоятельства этих людей, установить доверительные отношения с подстракаемым наркозависимым (см. об этом подробнее: Максимова 2011b). Иногда такие знакомства перерастают в «дружбу». В среде сотрудников службы широко распространены истории о том, как сами участковые становятся жертвами таких «друзей», например, одалживая им сотовые телефоны или деньги.

Наш опыт включенного наблюдения показывает, что знание такого рода географии участка приобретается сотрудником службы УУМ постепенно и функционирует как «скрытое», «недекларируемое» и иногда «неосознаваемое» (*tacit knowledge*). Из этого знания формируется «разделяемое» коллегиальное знание о специфике «своего» или «чужого» участка. Так, даже в рамках одного административного района города они делятся на «трудные», «напряженные» и «спокойные». Основным критерием этого условного разделения являются указанные выше характеристики населения, а также история микрорайона и доминирующий в нем тип застройки. К наиболее проблемным относятся два типа микрорайонов:

В первую очередь, это крупные микрорайоны новой застройки с большой плотностью населения²², в которых преобладает «социальное» жилье (то есть жилье невысокого качества), бесплатно предоставленное переселенным из центра города жителям. При этом само население, по словам участковых, непостоянное (квартиры часто меняют собственников или арендаторов), «депрессивное» (много неработающих, наркозависимых или больных алкоголизмом, маргиналов и т.п.), и, следовательно, участковым здесь труднее эффективно осуществлять контроль и профилактическую работу.

²¹ Согласно российскому Уголовному кодексу (УК РФ, ч. 4, ст. 33) и в отличие от таких стран, как, например, США, подобная провокация является преступлением. Подстрекательство не признается методом оперативно-розыскных мероприятий, и за него предусмотрена уголовная ответственность.

²² По приблизительным оценкам на микрорайон с населением около сорока тысяч человек приходится один опорный пункт с тремя участковыми.

Во-вторых, районы с доминированием «сталинок» и/или «хрущевок», районы, в которых много общежитий. По мнению участковых, из-за низкого качества жилья и большого числа коммунальных квартир в таких домах «остались жить лишь пенсионеры, алкаши и наркоманы». Здесь также выше доля дешевого жилья, которое сдается в аренду в основном молодым людям и трудовым мигрантам, что рассматривается сотрудниками милиции (в соответствии с описанной выше категоризацией населения) как криминогенный фактор.

«Спокойными районами» считаются городские территории, застроенные в 1970–1980 годы, со стабильным населением, или новые кварталы благоустроенного «элитного» жилья. Основными проблемами здесь являются бытовые ссоры, шум после 23 часов, употребление наркотиков²³ и кражи, в то время как в «напряженных» микрорайонах нередки убийства, грабежи, разбойные нападения.

Указанная логика «приписывания» определенным территориям проблемного или относительно благополучного статуса на основе типов жилищных условий и деления населения на разные категории применяется и при категоризации сотрудником службы собственного участка. К «проблемным» всегда относятся те пространства, в которых обстановка воспринимается как более криминогенная. К таким «локусам» относят целые объекты (например, общежития или рынки), их части (например, некоторые подъезды жилых домов) или публичные пространства (скверы, парки, пустыри). Они попадают в категорию проблемных именно из-за их социального состава и распространенности, массовости девиантных практик на этой территории (например, распитие спиртных напитков там, где это запрещено законодательством). При этом чаще всего участковые описывают проблемный статус «локуса» как данность, дают обоснование своей неспособности изменить проблемный характер той или иной зоны.

Например, участковый, работающий в относительно спокойном микрорайоне, осведомлен, что один из подъездов в целом благополучного жилого дома является местом сбора наркопотребителей. При этом, по его словам, он не имеет никакого «рычага воздействия» на ситуацию, поскольку одним из наркопотребителей является жилец этого подъезда, и именно он приглашает к себе гостей. Несмотря на возмущение граждан, участковый не может пресечь эту практику окончательно, а имеет возможность лишь время от времени инспектировать эту территорию, чтобы «разогнать наркоманов». Тот факт, что наркопотребители собираются не в квартире, а в подъезде, является для участкового поводом в отказе возбуждения уголовного преследования за организацию наркопритона.

Тем не менее, в действительности оказывается, что сотрудники этой службы обладают значительными ресурсами для преодоления «проблемности» той или иной зоны – при наличии желания и воли.

²³ Как видим, категория «наркозависимые» указывается как основная проблемная группа для обоих типов участков, однако в более проблемных, по словам участковых, масштаб этого бедствия значительно шире.

Например, самым проблемным объектом на административном участке одного старшего участкового, по его мнению, было общежитие, в котором проживали сотрудники (в основном рабочие) одного из казанских предприятий. По его рассказам, обстановка на этом объекте была чрезвычайно опасной: здесь были частыми драки, кражи, изнасилования. Однажды, когда он шел «на заявку» один, нападению подвергся и он сам. После нескольких месяцев усиленной работы в сотрудничестве с законопослушной частью жителей общежития участковому удалось инициировать уголовное преследование основных зачинщиков: одни из них были отправлены отбывать срок в колонию, а другие были уволены с работы и покинули общежитие. По словам участкового, в этом общежитии установился относительный порядок.

Таким образом, участковый уполномоченный, будучи единственным представителем ведомства, ответственным за конкретную территорию, аккумулирует широкий круг сведений о населении – прежде всего, о его социальных характеристиках. В итоге формируется определенный образ территории: участки делятся в целом на «проблемные» или «спокойные», при этом сама контролируемая «земля» понимается как разделенная на соответствующие тому или иному типу девиантности «очаги». Источниками «социального портрета» участка или микрорайона для сотрудника службы УУМ являются как формальные контакты с населением или другими ведомствами, так и неформальные сетевые взаимодействия. Далее мы остановимся подробнее на практических аспектах работы участкового на своей «земле».

3. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ УЧАСТОК – ПЕРЕДВИЖЕНИЕ И САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

Важнейшим практическим аспектом работы участковых является передвижение по «своему» участку. При этом далеко не все из них проживают на этой же территории или хотя бы в том же районе, хотя тенденция селиться вблизи своего участка в этой профессиональной группе встречается чаще, чем среди сотрудников ППС. В том случае, если участковый проживает (или снимает квартиру, комнату) в «своем» микрорайоне (то есть на той территории, которая входит в его участок), он стремится в первую очередь «навести порядок» в «собственном» доме.

Несмотря на то, что некоторые участковые приезжают на работу на личном автомобиле, перемещаться по «контролируемой территории» они предпочитают пешком. Стоит также отметить, что обычно участковые передвигаются очень быстро (нам приходилось практически бежать за ними) – что, скорее всего, является неосознаваемой фоновой практикой этой профессиональной группы²⁴.

Несмотря на то, что патрулирование территории вменяется в обязанность сотруднику этой службы, на деле это совершается очень редко. Передвижение пеш-

²⁴ Для сравнения – сотрудники ППС, работающие на стационарном пункте в парке, то есть так же контролирующие определенную территорию, во время ее обхода передвигались в среднем темпе его посетителей, никуда не спеша.

ком «по вызовам» или по заданиям для сбора материалов к тому или иному делу позволяет сотрудникам службы совместить эти задачи с патрулированием участка, причем часто передвижения осуществляются не по основным улицам, а дворами, «тайными» тропами. Эти стихийные маршруты чаще всего пролегают в непосредственной близости от «проблемных» зон участка. Иногда, если есть время, участковый останавливается и инспектирует «подозрительный» подъезд или пустырь. Нередко по ходу передвижения проводится разъяснительная работа, фиксируются правонарушения (с оформлением бумаг). Например, однажды участковый, шедший в один из дворов своего участка для того, чтобы разрешить конфликт между соседями, увидел в другом дворе гражданина, моющего свой автомобиль. Здесь же, на месте был составлен протокол по линии взаимодействия МОБ с экологической милицией (участковых обязывают выявлять и оформлять правонарушения «по линии экологии»), а также проведены соответствующие разъяснения нарушителю.

Выше уже упоминалось, что участковые уполномоченные иногда совершают поквартирные обходы. Они редко осуществляются по личной инициативе, поскольку сотрудники службы и без того перегружены повседневной рутинной. Однако во время соответствующих ведомственных акций (например, акция «Разрешите представиться!» или кампания по поиску опасных преступников²⁵) участковых обязывают совершать поквартирный обход населения, раздавая визитки, опрашивая граждан и пр.

Интересно, как участковый воспринимается окружающими в публичном и частном пространствах и как сам он старается позиционировать себя на этих социальных сценах. Большое значение в принятии профессиональной роли имеет форма: именно она (и в меньшей степени удостоверение) указывает на участкового и любого другого сотрудника МОБ как на человека, облеченного властью, предоставляет ему право открыто обращаться к гражданам с требованием. Она же дает сотрудникам милиции символическое право вторгаться в частную жизнь граждан – спрашивать о том, где они работают, женаты ли, получать иную информацию. Однако тот факт, что участковый в форме, дает возможность незнакомым людям, в свою очередь, обратиться к нему за помощью или с претензиями. Ношение формы в публичном пространстве предполагает также и некоторые риски. Нам рассказывали истории о том, как сотрудники милиции становились жертвами нападений. Например, за полгода нашей работы нападению и жестокому избиению подверглась молодая девушка, инспектор по делам несовершеннолетних, возвращавшаяся после вечернего собрания домой. Об этом риске говорят также и мужчины:

Но, грубо говоря, сейчас и по улицам ходить-то страшно, знаете. Потому что вот по улице идешь ночью один, в форме. Ну, вот есть два варианта. Либо не любящий милицию человек тебе встретится, и тебя грохнут где-нибудь, не дай Бог, тьфу-тьфу-тьфу. Или, как говорится, идешь и думаешь: «Ага, вот толпа

²⁵ В такие акции участковые обычно обязаны посетить не менее тридцати квартир в течение рабочего дня.

идет и милицию увидят, сразу тихо-тихо, все-все-все (из интервью О. Максимовой: муж., участковый уполномоченный, 26 лет).

Одновременно с тем, что ношение формы легитимирует «право» сотрудника милиции обращаться к гражданам, оно же и формирует ожидания, что те, в свою очередь, примут «правила игры» и будут вести себя подобающим милиционеру образом. Когда эти ожидания нарушаются, происходит так называемый когнитивный диссонанс (при котором участники взаимодействия определяют ситуацию в рамках разнонаправленных логик), и это переживается сотрудником милиции как проблема:

Ну, элементарный пример. Вчера иду по улице. У нас там школа есть, около нее – спортивная площадка, лесенки там. Туда-сюда. Сидят двое ребят. Шампанское, вино у них стоит. Я к ним подхожу, говорю: «Молодые люди, выйдите, пожалуйста, за территорию школы». Смотрят на меня: «А че, за территорией школы можно?» Стоит сотрудник милиции перед ними в форме. Ну как... они помоложе меня, ну, не такие уж взрослые ребята, ну, скажем так – мы с ними одноклассники, пусть будет даже так. Но дело не в этом ведь, как говорится. Я стою по форме перед ними, я им не хамил, ничего, я им просто сказал: «Ребята, выйдите за территорию школы. Здесь пить нельзя. Это территория школы, выйдите отсюда». – «А там можно?» Я говорю: «Там-то, в принципе, тоже нельзя». Ну, зачем вопросом на вопрос отвечать? Ну, выйди ты, когда тебя просят.

Элементарный пример вот тоже. Идешь по улице. Сидят взрослые мужики. Ты им строго: «Мужики, че такое?» Они сразу: «Ой, командир, все...» Фить и ушли, или скажут: «Все, сейчас уйдем» (тот же источник).

Этот отрывок также хорошо иллюстрирует наличие у каждого сотрудника милиции, в том числе и у участкового, фонового ожидания демонстрации со стороны граждан «уважения» и признания его «авторитета». Отказ граждан выказывать подобное отношение воспринимается всегда как проблема.

Завоевание «авторитета» у населения – это сверхзадача, которую ставит перед собой каждый участковый уполномоченный милиции. При этом конечные значения того, что есть «авторитет участкового среди населения», могут варьироваться в зависимости от внутренних установок актора и от той категории, к которой он относит вступающих с ним во взаимодействие граждан. В ходе нашего наблюдения мы общались как с улыбчивыми и дружелюбными людьми, так и с теми, кто выстраивает дистанцию в общении, ведет себя подчеркнуто вежливо или, напротив, грубо. Первым легче завоевать среди населения хорошее отношение к себе: нередко прохожие, в том числе и молодежь, здороваются с такими участковыми на улицах, мужчины подходят для рукопожатия. Психологически закрытые в общении участковые хуже справляются с задачей установить контакт с населением: они чаще прибегают к угрозам, чем к уговорам. Несмотря на то, что для каждого участкового, с кем мы имели дело, свойственна своя особая манера общения, можно выделить некие общие чер-

ты. В целом, для завоевания и поддержания своего авторитета участковые обладают широким арсеналом: от методов, позволяющих установить доверительные отношения, до формирования уважения на основе страха.

Для того чтобы достичь доверия (как основы авторитета), желателен выстроить подобие дружеских отношений с гражданами, в том числе и с подозреваемыми, поддерживая свойственные той или иной социальной группе языковые правила, используя свойственную ей лексику. Некоторые участковые используют весь свой актерский потенциал, чтобы добиться доверия и наладить отношения сотрудничества с разными типами посетителей или опрашиваемых, будь то жалующаяся на соседей неграмотная бабушка, одиннадцатилетний школьник, ставший жертвой ограбления, или страдающий алкоголизмом безработный мужчина, пытающийся выманить деньги у престарелой матери. Умение разговаривать с людьми является, по мнению многих наших собеседников, наиболее важным профессиональным качеством участкового.

Интересно, что в результате установления доверительных отношений и постоянной кооперации с некоторыми гражданами вокруг каждого участкового формируется группа людей, которые выстраивают с ним дружеские связи. Нередко эта группа функционирует по принципу взаимной выгоды или даже «клиенты». При этом выделить сложившуюся вокруг участкового группу «друзей» достаточно легко: это те, кто часто наносит визиты в опорный пункт. Посещения в большинстве своем бывают вызваны не проблемами, а желанием этих людей пообщаться с участковыми, провести с ними свое свободное время. Таким образом, как мы покажем ниже, люди, формирующие «ближний круг» участкового, оказываются вхожи в публичное пространство опорного пункта, одновременно трактуемое участковыми как частное.

Другим приемом формирования авторитета является выработка в ходе профессиональной социализации умения держать себя в публичных пространствах особым образом. Этот навык включает в себя профессиональную готовность нарушить приватные границы чужого человека (как ментальные, так и физические), выработав в себе и демонстрируя окружающим такие качества, как требовательность, настойчивость и даже «наглость». Этот навык очень важен в общении с гражданами на улицах или при посещении их квартир, а также при обращении в другие инстанции – суды, школы, больницы.

Самопрезентация участкового в частных пространствах жителей зависит от принимаемых им ролевых моделей, то есть от того, в каком качестве и с какой целью осуществляется посещение квартиры. Первая роль – это «собирающий сведения». Она выполняется в ситуациях, когда нужно опросить возможных свидетелей происшествия, или в ходе поквартирного обхода. В таком случае участковые ощущают себя вторгающимися в частную жизнь и отвлекающими людей от их повседневных задач. Отмечаются также недоверие среди населения и – часто – нежелание помогать. Люди стараются не пустить участкового на порог, ведут разговор через закрытую дверь. Нередко и сами участковые в таких случаях предпочитают не заходить в квартиру, а вести разговор на лестничной площадке. Две другие распространенные ролевые модели – «инспектор» и «каратель» – предпо-

лагают посещение квартиры, осмотр места происшествия и опрос его участников, значительно реже – задержание виновного или подозреваемого. В таких случаях существует необходимость войти внутрь жилого помещения. Тогда участковые ощущают себя вправе вторгаться в частные пространства и, ощущая властную асимметрию в свою пользу, демонстрируют себя хозяевами положения в чужом жилище. Здесь принципиально важно то, что практически никогда, входя в квартиру, участковые, вопреки российской традиции, не снимают обувь. Впрочем, это происходит не всегда: при посещении квартир, хозяева которых знакомы с участковыми лично, и визит является не только деловым, но и частным, участковые при входе в квартиру, разумеется, снимают уличные туфли.

4. ОПОРНЫЙ ПУНКТ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА: КОЛЛЕГИАЛЬНО-ПРИВАТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Хотя административный участок и является главным объектом деятельности участкового, его повседневная жизнь разворачивается не здесь, а прежде всего в опорном пункте общественного порядка (в просторечии – «опорка»), этом специфическом профессиональном пространстве. «Опорка» объединяет участковых, работающих на административных участках в одном микрорайоне, а также инспектора по делам несовершеннолетних (одного на весь микрорайон), начальника опорного пункта, подчиненного службе тыла, и редких внештатных или добровольных помощников милиции. Обычно это двух- или трехкомнатная квартира в жилом доме, реже – отдельное помещение в зданиях жилищно-эксплуатационного управления (ЖЭУ). Именно в пространстве опорного пункта происходит низовая коллегиальная коммуникация и ведется работа в рамках первичной субординации.

Из трех–четырёх участковых уполномоченных, работающих в одном опорном пункте, один назначается старшим. Этот статус маркирует низового командира, который контролирует работу УУМ в микрорайоне и осуществляет распределение задач между подчиненными. Обычно состав участковых в одном опорном пункте, обслуживающем «спокойный» микрорайон, достаточно стабилен – нередко участковые работают одной командой годами. Однако в «проблемных» микрорайонах текучесть участковых выше, коллектив может обновляться каждые два года и даже чаще.

Особого внимания достойны сложившиеся практики распределения обязанностей внутри коллектива. Чаще всего каждый участковый осуществляет контроль над своим участком, получая задания («материалы») от дежурного в РУВД или ОВД лично. Однако нам удалось наблюдать два исключения. В одном случае все задания получал старший участковый, распределяя их затем между своими подчиненными. Распределение велось скорее не по территориальному признаку, а по степени сложности работы. «Трудные вызовы» (те, от правильности оформления первичных документов по которым зависело дальнейшее разбирательство дела) старший участковый на правах более опытного сотрудника брал себе. В другом опорном пункте сложилась не патерналистская, а эга-

литарная кооперация. Формально работа по вызовам осуществлялась каждым участковым на своем административном участке, но плановая или профилактическая работа делилась между ними по предпочтению. Так, старший участковый работал не только от своего имени, но и от имени своих коллег по линии ГИБДД, оформляя административные протоколы о нарушении правил парковки во дворах, а одному из его подчиненных «досталась» работа по контролю во всем микрорайоне психически нездоровых граждан.

Институционально закрепленное правило не работать в опасной ситуации в одиночку соблюдается не всегда. Чаше всего, посещая граждан по их обращениям в ситуации, предполагающей опасность (например, «пьяный дебошир в квартире»), участкового уполномоченного сопровождает коллега. Однако наши наблюдения показывают, что бывают случаи, когда участковый идет по такому вызову один, не получая поддержки не только от своих коллег, но даже от патруля ППС. В противоположность этому, если в опорном пункте милиции сложилась атмосфера взаимовыручки и поддержки, коллеги не только помогают друг другу в сложных обстоятельствах, но даже могут взять на себя некоторую нагрузку товарища по работе. Например, участковые иногда попеременно ведут прием граждан не только по своему административному участку, но и по всему микрорайону. Подобные взаимоотношения (патернализм или эгалитарная кооперация) приводят к тому, что «своим» воспринимается не только контролируемый лично участковым административный участок, но и весь микрорайон. Такое восприятие в особенности характерно для старших участковых.

Помещение опорного пункта воспринимается участковыми, работающими в нем, одновременно и как публичное, и как частное пространство. Оно открыто для посетителей (населения, представителей организаций, проверяющих структур, коллег из других подразделений МВД), однако форматирует поведение обращающихся к участковым граждан и отсекает «неприемлемую» публичность. В опорном пункте всегда есть пространство для посетителей. Обычно это коридор или самая большая комната, где располагаются скамьи или стулья. Тем самым подразумевается, что воспользоваться полицией как общественной службой могут лишь граждане, ожидающие приема. Организация пространства превращает их из «клиентов» в «просителей» и подкрепляет статусное неравенство ролей в рабочем пространстве. Однако другая часть опорного пункта маркируется как личное, приватное («мое» или «наше»). Обычно это комната, в которую доступ посетителям закрыт: там практически всегда расположен диван, холодильник, создано пространство для принятия пищи и в целом для отдыха (например, размещаются аквариумы, телевизор, реже – музыкальный центр или радио). Это пространство может номинально маркироваться либо как личная зона старшего участкового, либо как «собственность» начальника опорного пункта. В любом случае, все сотрудники, работающие в одной «опорке», а также тот «ближний круг» жителей вверенной участковым территории, имеют в него доступ, в отличие от остальных посетителей. Иногда местом для общения становится кухня.

Приватный статус пространства опорного пункта подчеркивается также тем, что сотрудники отмечают здесь праздники – не только общие, календарные,

но и личные (дни рождения, вступление в должность и т.п.). Нередко «опорка» вынужденно используется участковыми как место ночлега (об этом см. ниже), что в целом не приветствуется начальством. В пространстве опорных пунктов в условиях дружеских застолий укрепляется горизонтальная коллегиальная связь между работниками и связи с начальствующим составом районного отдела или службы УУМ (например, когда его представители приглашаются «вечерком, после работы» для «чаепития»). Иногда начальство не только районного, но и городского уровня может неожиданно нагрянуть в опорный пункт с проверкой. В этом случае участковые на правах хозяев вынуждены организовывать стол и угощения.

В комнате, где ведется прием и которая воспринимается как публичное пространство, у каждого сотрудника также имеется свое личное небольшое пространство: обычно письменный стол, или, в случае нехватки места, стул или кресло. Такое же место в некоторых случаях было выделено и нам. Например, на одном из опорных пунктов, где я провела в общей сложности четырнадцать наблюдений, уже через месяц наблюдения одно из кресел считалось участковыми «моим», и при моем появлении все присутствующие уступали его мне, хотя я этого и не требовала. Таким же статусом принадлежности определенному сотруднику обладают и вещи (например, посуда), и некоторые инструменты работы. Так, все опорные пункты были оборудованы компьютерами, но «право» доступа к ним имели не все сотрудники, а лишь те, которые умеют или имеют желание работать с ними. Например, в одном опорном пункте все материалы участковых в электронном виде оформляла только инспектор по делам несовершеннолетних.

5. ОПОРНЫЙ ПУНКТ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА: ПРОБЛЕМЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗМЕЩЕНИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ

Помимо уже отмеченной неравномерной концентрации населения на административных участках, их пространственное зонирование и размещение опорных пунктов демонстрирует еще одно противоречие в организации повседневной работы участковых. С одной стороны, все наблюдаемые опорные пункты находятся в непосредственной близости от транспортных магистралей города, чаще всего неподалеку от остановок общественного транспорта. Такое расположение помогает в решении ряда задач. Во-первых, это облегчает доступ машин ППС к опорному пункту и, следовательно, позволяет оперативно оказывать поддержку сотрудникам УУМ. Во-вторых, размещение опорного пункта вблизи остановок общественного транспорта удобно для самих участковых. В-третьих, это способствует большей публичности «опорки», так как она находится для большинства жителей «по пути», на повседневном маршруте от дома до остановки.

В то же время подобное расположение опорного пункта в непосредственной близости от оживленной дороги приводит к тому, что он оказывается на краю по отношению к центру участка. На схеме (рис. 1) видно, что опорный пункт находится ближе к одному из углов участка (что вообще является нарушением «Требова-

ний к должностной Инструкции»²⁶). Как следствие, многим участковым при необходимости работы по вызову на «своем» участке приходится преодолевать значительное расстояние (практически всегда пешком). Видимо, в том числе этим можно объяснить привычку к быстрой ходьбе, свойственную участковым.

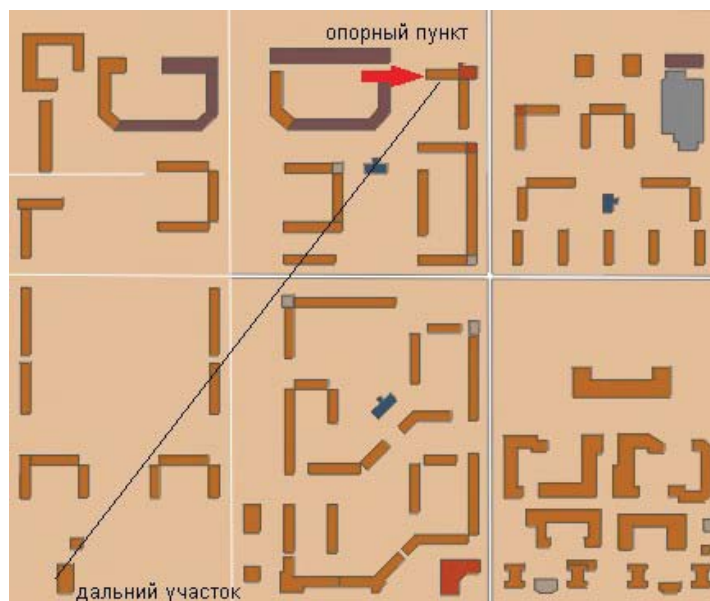

Рис. 1. Схема расположения опорного пункта в микрорайоне N1²⁷

Иногда такое расположение вызвано неравномерностью застройки микрорайона. Так, в одном случае опорный пункт милиции был размещен в единственном девятиэтажном здании, построенном в начале 1990-х годов на большом пустыре неподалеку от кварталов с частной застройкой. В результате развития микрорайона и бурного строительства жилых домов по программе ликвидации ветхого жилья на сорок тысяч проживающих в этом в целом «проблемном» районе жителей приходится один опорный пункт и трое работающих там участковых. При этом для того, чтобы добраться до дальнего участка сотрудникам милиции нужно преодолеть расстояние в два с половиной километра, идти же приходится дворами (рис. 1). Даже с учетом быстрой манеры ходьбы путь до указанного участка и обратно занимает у участкового не менее получаса рабочего времени. При этом

²⁶ Вот одно из регламентирующих положений: «1.4. Участковый пункт милиции должен располагаться, как правило, в центре административного участка (микрорайона)». См. «Требования, предъявляемые к участковому пункту милиции», приложение №5 к «Инструкции по организации деятельности участкового уполномоченного милиции». Приказ от 16 сентября 2002 года №900 «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции».

²⁷ Здесь и далее мы приводим условные схемы без названий улиц и других опознавательных знаков, чтобы обеспечить анонимность наших информантов.

нет ни одного маршрута общественного транспорта, который проходил бы через эту территорию.

Такого рода проблемы могут быть вызваны не только историей застройки, но и непродуманным зонированием самих микрорайонов. Так, на одном из пустырей был построен торговый центр, который оказался отделен от основного жилого массива «своего» микрорайона парком и зеленой зоной. В непосредственной близости от этого торгового центра находятся два опорных пункта милиции (через дорогу, в соседних домах), однако в случае происшествий (например, кражи) для разбирательств вызывается «свой» участковый, опорный пункт которого располагается в более чем трех километрах от торгового центра (рис. 2).

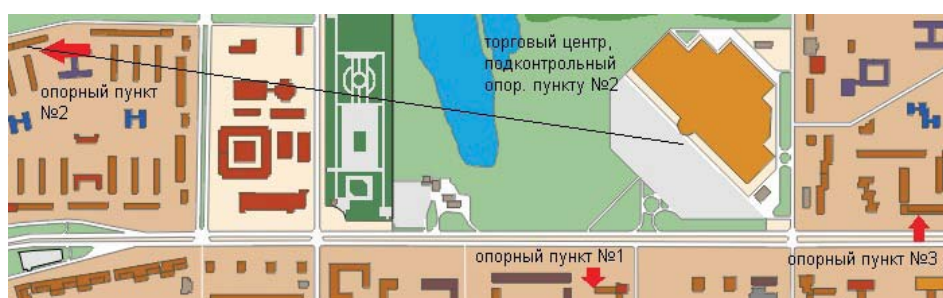

Рис. 2. Схема расположения опорных пунктов в микрорайонах N2, N1 и N3

В другом случае расположение опорного пункта в непосредственной близости от соседнего участка приводит к «двоевластию» на одном из объектов – продовольственном и вещевом рынках. Так, продавцы и посетители во многих случаях уверены, что он подконтролен тем участковым, которые работают в опорном пункте N4, находящемся на том же перекрестке, что и рынок. Из неформальных бесед с этими участковыми удалось установить, что иногда продавцы снабжают их безвозмездно своими товарами в обмен на некоторые послабления в контроле. Эти продавцы очень удивились бы, узнав, что официально контроль за рынком осуществляют участковые из опорного пункта N5, располагающегося на другом краю микрорайона на расстоянии полутора километров от рынка (рис. 3.). Причем сотрудники соседнего опорного пункта такого рода контроль осуществляют достаточно регулярно: в ходе наблюдения участковый неоднократно реагировал на обращения администрации рынка, откликнулся на заявления продавцов, находящихся в конфликте с администрацией.

Рис. 3. Схема расположения опорных пунктов в микрорайонах N4 и N5

Столь же нелогичным видится участковым и распределение «спонсорства» над «опорками». В ходе наблюдения обнаружилось, что материально-техническое обеспечение опорных пунктов осуществляется не ведомством, не муниципальной властью, а крупными предприятиями административного района, так называемыми «спонсорами». Чтобы уменьшить вероятность установления коррупционных связей, эти организации были распределены между опорными пунктами так, чтобы ни одна из них не находилась на той территории участковых, чьим «спонсором» она является. Участковые данную стратегию не поддерживают, поскольку не имеют рычагов воздействия на «спонсора», чтобы добиться от него помощи в ремонте или закупке новой мебели. Этим рычагом, по их мнению, как раз и являются отношения взаимовыгодного сотрудничества, которые участковыми не воспринимаются как коррупционные практики, а трактуются как помощь милиции со стороны населения или организаций. Если же предприятие-спонсор находится вне контроля участковых, «договориться» с ним о поддержке, выстроив низовую кооперацию, очень сложно. В связи со слабой поддержкой со стороны «спонсоров» во многих опорных пунктах ремонт делается самостоятельно, используется старая мебель (вещи, принесенные из дома, те, которые «люди хотели выкинуть»). В административном районе, где велось исследование, мы наблюдали лишь один опорный пункт с хорошим ремонтом и современной мебелью. Выяснилось, что он играет роль показательного, а его старший участковый считается одним из самых успешных и авторитетных (см. также: Максимова, 2011b).

6. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РАЙОН – ТЕРРИТОРИЯ «НАЧАЛЬСТВА», ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ КООПЕРАЦИИ ИЛИ КОНКУРЕНЦИИ

Работа на уровне административного района осуществляется сотрудниками УУМ как в публичных, так и в закрытых профессиональных пространствах. К первым можно отнести районный суд или администрацию, посещать которые участковым приходится сравнительно редко. К закрытым профессиональным пространствам районного уровня мы относим помещения РУВД и ОВД, а также отдельное здание службы УУМ. Эти пространства названы закрытыми, поскольку к ним, в отличие от опорных пунктов, затруднен доступ для обычных граждан. Например, для того, чтобы попасть в помещение РУВД, человеку, не принадлежащему к структуре МВД, нужно преодолеть барьер дежурной части, подтвердив свое право на визит. Правом беспрепятственно проходить в управление обладают лишь те, у кого есть магнитный ключ от двери, и лица, которых дежурные признают «своими». При этом помещение управления, отделов милиции и службы УУМ являются пусть не ключевыми, но значимыми для повседневной профессиональной деятельности участковых. Так, визитом в службу УУМ начинается и заканчивается каждый рабочий день участкового, отчитывающегося перед начальством о планах и результатах работы. В помещении РУВД от одного до трех раз в неделю проводятся также тематические собрания, которые организуются районным управлением или представителями городского УВД.

Эти пространства не осознаются участковыми как «свои». Напротив, они представляются местами «чуждыми», а иногда и враждебными сотруднику службы. В любую минуту на него там может обрушиться шквал ругани и оскорблений со стороны начальства (иногда с использованием ненормативной лексики), например, за невыполнение плана раскрытия преступлений. Кроме того, часто упоминается бесполезность многократных совещаний и собраний, на которых обсуждается «одно и то же». Так, на дневном ежедневном совещании в 14:00 (формальное начало рабочего дня участкового) обсуждается та же информация, что и на вчерашнем вечернем – ведь за ночь ситуация с раскрываемостью преступлений меняется лишь в исключительных случаях.

В ходе наблюдения мы зафиксировали два типа неформальной коммуникации участковых районного уровня. С одной стороны, между участковыми из разных микрорайонов (чаще всего старшими участковыми) наблюдаются отношения взаимовыручки и кооперации. Так, один из наших информантов помогал и советами, и делами с раскрытием «наркопритона» своему коллеге из другого опорного пункта.

С другой стороны, институциональные рамки работы приводят к конкуренции между опорными пунктами, а также к поиску преступлений на «чужом» участке. Причина этому – введенная незадолго до начала наблюдения система оценки работника милиции в баллах (сами сотрудники называют баллы «палками» – откуда «палочная система»)²⁸, которая предписывает участковому необходимость еже-

²⁸ Приказ МВД Республики Татарстан №653 от 18 сентября 2006 года.

квартального раскрытия некоторого числа определенных типов преступлений. В этой ситуации коллеги из «спокойных» микрорайонов вынуждены искать преступления «на стороне», то есть на других участках. Так, однажды я наблюдала, как участковый на своем административном участке, получив сигнал из дежурной части, не успел принять от гражданки заявление по поводу кражи сотового телефона ее сыном-наркоманом. Придя к ней, он обнаружил коллег из соседнего опорного пункта, к которым потерпевшая обратилась лично уже после того, как подала заявку в дежурную часть.

7. ГОРОД КАЗАНЬ – ВНЕШНЕЕ ПРОСТРАНСТВО ВЫНУЖДЕННЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ

В некоторых ситуациях профессиональная жизнь участковых разворачивается в общегородском масштабе, что предполагает присутствие или посещение публичных и частных пространств. К первым можно отнести практику привлечения участковых для контроля на спортивных, культурных мероприятиях, политических акциях (в нарушение ст. 5.4 приказа №900 и п. 52 Инструкции²⁹). Некоторые участковые, с которыми мы общались в течение полугода наблюдений, присутствовали в качестве сотрудников, обеспечивающих общественный порядок, почти на всех играх казанских футбольной команды «Рубин» и хоккейной команды «Ак Барс», также они присутствовали на политических митингах 1 мая и т.п.

Кроме того, специфика работы участковых состоит в том, что по некоторым «материалам» они вынуждены работать не только в черте своего административного участка или района. Например, нередко для сбора показаний приходится посещать врачей в больницах, где лечились пострадавшие от нападений; сопровождать подвергшихся насилию в единственную в Казани больницу, где находится отделение судебно-медицинской экспертизы. При работе по линии военкоматов участковым предписывается доставить каждого выявленного «уклониста» в военкомат по месту его регистрации. Наконец, сотрудникам милиции приходится перемещаться по городу и посещать квартиры граждан с целью сбора материалов дела. Так, один из наблюдаемых несколько раз уезжал за пределы административного района для получения объяснений у фигурантов дела, совершивших кражи на территории его административного участка, но проживающих в других частях города. Сложность таких дел заключается в том, что в случае, если искомого человека не окажется дома, участковый не может

²⁹ «5.4. Запретить использование участковых уполномоченных милиции на службе вне закрепленных за ними административных участков. Установить, что при проведении оперативно-розыскных, следственных и профилактических мероприятий участковые уполномоченные милиции выполняют свои обязанности только на закрепленных за ними административных участках». Или: «52. Использование участкового уполномоченного для решения задач, не связанных с обслуживанием административного участка, в том числе привлечение его к проведению любых оперативно-розыскных, следственных и профилактических мероприятий вне административного участка запрещается».

его обязать прийти в опорный пункт, он вынужден будет совершать повторные визиты. Важно отметить, что перемещения по городу и обращения в организации (например, к главным врачам больниц) участковый совершает до обеда, то есть фактически в течение своего нерабочего времени, поскольку его рабочий день, о чем уже упоминалось выше, официально начинается в 14:00, и с этого времени он обязан находиться в пределах своего административного участка.

Некоторые из наших информантов проживали в других районах города и в пригородах. Им было крайне неудобно добираться домой после 23 часов – а именно в это время заканчивается вечернее совещание в службе УУМ (часом позже официального конца рабочего дня участкового). Иногда, опоздав на последний автобус, они были вынуждены ночевать в опорных пунктах, что формально запрещено. Например, с 1 по 9 мая один из наших информантов, живущий в пригороде Казани, не только не имел ни одного выходного, но и несколько дней, за исключением трех ночей, ночевал в «опорке», то есть практически жил в ней, так как утром ему нужно было прибыть на сбор для несения службы в городе во время праздничных дней, финальных игр «Ак Барса» и других мероприятий.

Я бы хотела завершить эту часть статьи наблюдениями о том, как участковые воспринимают Казань и свою службу. Среди наших информантов, сотрудников службы, два из трех – это приезжие из городов и сел Татарстана и соседних регионов (Республики Чувашия, Марий Эл). Нам также встречались участковые-мигранты из стран бывшего СНГ: Узбекистана, Казахстана, Азербайджана. Для приезжих служба УУМ представляется шансом улучшить жилищные условия (хотя, по данным наших наблюдений, получить квартиры удалось единицам, а перспективы для остальных столь же призрачны, сколь велико их желание), обзавестись кругом знакомых в чужом городе, повысить свой «символический» капитал посредством получения статуса «человека в погонах», имеющего власть.

Казань притягательна для участковых-мигрантов, поскольку в их представлениях социальная и экономическая обстановка в этом городе благополучнее, чем в их родных населенных пунктах. Кроме того, для молодежи из сельских районов или небольших городов служба в МВД по сути – единственная возможность бесплатно получить высшее юридическое образование. Большинство из тех участковых, которые проработали в Казани более пяти лет, считают этот город своим. Что касается культурной городской среды, то из-за сильной занятости у подавляющего большинства представителей службы не остается времени и почти не возникает желания каким-то образом участвовать в ней. За время наблюдения ни один участковый не рассказал о том, например, что был на концерте или в театре. Редкие часы досуга участковые предпочитают проводить в кругу друзей и родных. Некоторые из них занимаются спортом или организуют во дворах игры в футбол. Кафе участковые посещают в редких случаях, предпочитая питаться дома или в опорном пункте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенное в статье плотное описание пространственных аспектов повседневности участковых уполномоченных милиции представляет собой мозаику или коллаж из наблюдавшихся нами практик, а также представлений о тех или иных пространствах, высказанных участковыми в ходе неформальных бесед.

Ход ежедневной работы, а именно ведение дел, содействие другим службам МВД или ведомствам (например, военкоматам, санитарно-эпидемиологическим станциям и пр.), формальный сбор сведений подразумевает восприятие населения участка как принадлежащего к различным категориям, а самой территории – как относящейся к разным типам, в ней выделяются определенные локусы, в зависимости от типа и частоты тех или иных девиантных практик.

Аналитически были вычленены четыре пространственных уровня повседневности сотрудников службы УУМ, которые отражают многозадачность профессии участкового уполномоченного. При этом «своими» для них представляются первые два уровня: 1) участок; 2) «опорка» и микрорайон. Именно в этих пространствах участковые ощущают себя полноправными хозяевами. Административный участок в представлении участкового – это основной объект его профессиональных усилий. Знание его территориальной и социальной специфики является непременным условием успешной работы, равно как и формирование авторитета среди населения, который должен быть основан, с одной стороны, на доверительных отношениях, с другой – на властной асимметрии. Работа по вызовам заставляет участкового нарушать границы частных пространств граждан, и сам характер случая определяет модели поведения сотрудников милиции. Ситуация «собираателя информации» ставит участкового в позицию зависимости от расположения граждан и лишает его пространственной власти. В роли «инспектора» или «карателя» сотрудник службы УУМ, напротив, реализует свой авторитет и ощущает себя хозяином положения даже в частных жилых пространствах.

Опорный пункт общественного порядка является публичной и частной зоной одновременно. Выполняя по сути роль офиса, «опорка» представляет гражданам «усеченную публичность» – в ней есть зоны, недоступные для рядовых посетителей. Позиции и практики граждан, обратившихся к участковому, целиком зависят от воли «хозяев» этого пространства – сотрудников милиции – даже там, где граждане имеют право находиться. Неравенство статусных позиций посетителей и сотрудников милиции подкрепляется зонированием, расстановкой мебели, а также распорядительными указаниями участковых, ведущих прием граждан. Участковые, как и любые другие сотрудники, работающие в опорном пункте, устанавливают порядок пользования публичностью опорного пункта: когда и как граждане могут обратиться к «своему» участковому, регламентируется им самим и зависит от его стратегии выстраивания отношений и авторитета среди населения. Таким образом, сама организация пространства опорного пункта приводит к его отчужденности от подлинной публичности (под которой мы имеем в виду пространство свободных коммуникативных обменов).

Находясь в пространствах РУВД, ОВД, контактных организаций, в публичном городском поле (на площадях, спортивных аренах и пр.), участковые воспринимают их как «чуждые», а долговременное присутствие в них как бесполезное. При этом «закрытость» ведомственных пространств вовсе не подразумевает публичности (они физически закрыты для рядовых посетителей, вынужденных испрашивать право на пользование этой общественной службой). Однако даже вынужденное присутствие самих сотрудников службы УУМ (на собраниях, совещаниях) ставит их самих в отчужденную позицию: ни о каком свободном обмене идеями в этих пространствах речи не идет. Напротив, сотрудники службы оказываются в роли подчиненных, слушающих приказы и распоряжения начальствующего состава. Одновременно проводимые на районном уровне совещания и встречи, так же как и повседневное общение в опорных пунктах, являются ресурсом для выстраивания горизонтальной коллегиальной солидарности (часто «негативной» – в противовес коллегиальности начальствующего состава) среди участковых уполномоченных.

В целом, обнаруженные нами пространственные аспекты повседневности этой профессиональной группы отражают ее подчиненное положение в структуре МВД. В глазах участковых многое, что составляет их повседневность, организовано «сверху», без учета локальной специфики (как в описанных случаях размещения опорных пунктов) и иногда вопреки не только здравому смыслу, но и внутриведомственным приказам и инструкциям. Перегруженность «неосновными» задачами, по сути ненормированный рабочий день, несправедливое распределение функций между службой УУМ и другими подразделениями МВД, при одновременной высокой степени ответственности участкового приводит к латентному внутриличностному противостоянию руководству ведомства («кабинетным») при ощущении собственной беспомощности и невозможности что-либо изменить. В этой ситуации укорененность участкового на «своей земле» и в «своей опорке», дает ему чувство стабильности, а авторитет среди населения является ресурсом для поднятия самооценки и обретения в собственных глазах позитивного социального статуса, столь сниженного в общении с руководством. Вместе с тем постоянные контакты участкового с населением, перерастающие в формирование особого «ближнего круга», также являются социальным ресурсом. Это отличает набор возможностей (как при реализации прямых обязанностей по раскрытию преступлений, так и, напротив, при создании неформальных отношений клиентизма или «взаимовыгодного сотрудничества»), доступный сотрудникам этой службы, от других категорий сотрудников милиции, работающих «на земле».

БИБЛИОГРАФИЯ

- 15 лет российской милиции.* 2005. Информационно-аналитический бюллетень фонда «Общественный вердикт». №3 (2) [15 let rossiiskoi militsii. 2005. Informatsionno-analiticheskii biulleten' fonda «Obshchestvennyi verdikt» 3 (2)].
- Абрамкин, Валерий. 1997. Насилие в органах внутренних дел // *О нарушении прав человека в России.* М.: Московский Центр по правам человека. С. 161–162 [Abramkin, Valerii. 1997. Nasilie v organakh vnutrennikh del. *O narushenii prav cheloveka v Rossii.* М.: Moskovskii Tsentro po pravam cheloveka:161–162].

- Авдонкин, Виталий. 2010. *Правоохранительные органы в схемах и комментариях*. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо [Avdonkin, Vitalii. 2010. *Pravookhranitel'nye organy v skhemakh i kommentariakh*. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Eksmo].
- Артемьев, Виктор. 2000. Социально-культурная ориентация правоохранительных органов // *Социологические исследования*. №1. С. 51–55 [Artemov, Viktor. 2000. "Sotsial'no-kul'turnaia orientatsiia pravookhranitel'nykh organov." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 1:51–55].
- Артемьев, Александр. 2007. *Институт правоохранительной службы Российской Федерации*. М.: Палеотип [Artem'ev, Aleksandr. 2007. *Institut pravookhranitel'noi sluzhby Rossiiskoi Federatsii*. M.: Paleotip].
- Гилинский, Яков. 2003. Полиция и население: кто для кого? // *Отечественные записки*. №2. Просмотрено 15.11.2011 (<http://www.magazines.russ.ru/oz/2003/2/glinsk-pr.html>) [Gilinskii, Iakov. 2003. "Politsiia i naselenie: kto dlia kogo?" *Otechestvennye zapiski* 2. <http://www.magazines.russ.ru/oz/2003/2/glinsk-pr.html>].
- Гладарев, Борис. 2008. Условия службы и социальное положение рядовых сотрудников милиции: социологический очерк к юбилею // *Телескоп*. №1. С. 12–24 [Gladarev, Boris. 2008. "Usloviia sluzhby i sotsial'noe polozhenie riadovykh sotrudnikov militsii: sotsiologicheskii ocherk k iubileiu." *Teleskop* 1:12–24].
- Гладарев, Борис. 2008. Опасность милиции общественной безопасности: возможные социальные следствия институциональной деградации органов охраны правопорядка // *Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства (3–5 апреля 2008 г.)* / Под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Бильбо. С. 151–174 [Gladarev, Boris. 2008. "Opasnost' militsii obshchestvennoi bezopasnosti: vozmozhnye sotsial'nye sledstviia institutsional'noi degradatsii organov okhrany pravoporiadka." Pp. 151–174 in *Sotsiologiiia vchera, segodnia, zavtra. Vtorye sotsiologicheskie chteniia pamiati Valerii Borisovicha Golofasta (3–5 aprilia 2008 g.)*, edited by O.V. Bozhkov. SPb.: Bil'bo].
- Гладарев, Борис. 2009. Милиционер и этнические мигранты на улицах Санкт-Петербурга: анализ обыденных практик взаимодействия // *Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения*. М.: Университетская книга. Т. XVI. С. 486–495 [Gladarev, Boris. 2009. Militsioner i etnicheskie migranty na ulitsakh Sankt-Peterburga: analiz obydennykh praktik vzaimodeistviia. *Puti Rossii: sovremennoe intellektual'noe prostranstvo: shkoly, napravleniia, pokoleniia*. M.: Universitetskaia kniga. V. XVI:486–495].
- Гладарев, Борис и Жанна Цинман. 2010. Милиционеры и гастарбайтеры: уличные практики перераспределения ресурсов // *Социологический журнал*. №1. С. 37–63 [Gladarev, Boris, and Zhanna Tsinman. 2010. Militsionery i gastarbaitery: ulichnye praktiki pereraspredeleniia resursov. *Sotsiologicheskii zhurnal* 1:37–63].
- Гладарев, Борис. 2011. Профессия «российский милиционер»: условия службы и внутренняя институциональная логика // *Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен* / Под ред. Павла Романова и Елены Ярославской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ. С. 113–143 [Gladarev, Boris. 2011. "Professiia «rossiiskii militsioner»: usloviia sluzhby i vnutrenniaia institutsional'naia logika." Pp. 113–143 in *Antropologiiia professii, ili Postoronnim vkhod razreshen*, edited by Pavel Romanov and Elena Iarskaia-Smirnova. M.: OOO «Variant», TsSPGI].
- Гудков, Лев. 2000. Отношение к правовым институтам в России // *Мониторинг общественного мнения*. № 47 (3). С. 30–39 [Gudkov, Lev. 2000. "Otnoshenie k pravovym institutam v Rossii." *Monitoring obshchestvennogo mneniia* 47 (3):30–39].
- Гудков, Лев. 2003. Массовая идентичность и институциональное насилие. Партикуляризм и вытеснение прошлого // *Вестник общественного мнения*. №67 (1). С. 41–44 [Gudkov, Lev. 2003. "Massovaia identichnost' i institutsional'noe nasilie. Partikuliarizm i vytesnenie proshlogo." *Vestnik obshchestvennogo mneniia* 67 (1):41–44].
- Дубин, Борис. 2005. Современная милиция. В зоне отчуждения // *15 лет российской милиции*. Информационно-аналитический бюллетень фонда «Общественный вердикт». №3 (2). С. 14–15 [Dubin, Boris. 2005. Sovremennaia militsiia. V zone otchuzhdeniia. *15 let rossiiskoi militsii*. Informatsionno-analiticheskii builleten' fonda "Obshchestvennyi verdikt" 3 (2):14–15].

- Закон и его жертвы. Хроника антипроизвола.* 2004 / Под ред. П.В. Чикова и Д.А. Колбасина. Казань: Правозащитный центр города Казани [Zakon i ego zhertvy. Khronika antiproizvola. 2004. Edited by P.V. Chikov and D.A. Kolbasin. Kazan': Pravozaashchitnyi tsentr goroda Kazani].
- Индекс произвола правоохранительных органов. Оценки социологов и комментарии правозащитников.* 2005. М.: Общественный вердикт [Indeks proizvola pravookhranitel'nykh organov. Otsenki sotsiologov i kommentarii pravozashchitnikov. 2005. M.: Obshchestvennyi verdikt].
- Каблова, Наталия, Хабибрахманов, Олег и Чиков, Павел. 2003. Коррупция в милиции Татарстана. Причины. Масштаб. Схемы. Казань: Правозащитный центр Казани [Kablova, Nataliia, Khabibrakhmanov, Oleg i Chikov, Pavel. 2003. Korruptsiia v militsii Tatarstana. Prichiny. Masshtab. Skhemy. Kazan': Pravozaashchitnyi tsentr Kazani].
- Каблова, Наталия и Павел Чиков. 2003. Попытки в Татарстане. Масштаб. Факты. Казань: Правозащитный центр Казани [Kablova, Nataliia i Pavel Chikov. 2003. Pytki v Tatarstane. Masshtab. Fakty. Kazan': Pravozaashchitnyi tsentr Kazani].
- Кожевников, Владимир. 1999. Проблемы профессионализма сотрудников органов внутренних дел // *Социологические исследования.* №9: 55–59 [Kozhevnikov, Vladimir. 1999. Problemy professionalizma sotrudnikov organov vnutrennikh del. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 9:55–59].
- Коленикова, Ольга, Леонид Косалс, Розалина Рывкина и Юрий Симагин. 2002. *Экономическая активность работников правоохранительных органов постсоветской России: виды, масштабы и влияние на общество (на примере милиции).* Научный доклад. М.: Юрист [Kolennikova, Ol'ga, Leonid Kosals, Rozalina Ryvkina, and Iurii Simagin. 2002. *Ekonomicheskaiia aktivnost' rabotnikov pravookhranitel'nykh organov postsovetsoi Rossii: vidy, masshtaby i vliianie na obshchestvo (na primere militsii).* Nauchnyi doklad. M.: Iurist].
- Коленикова, Ольга. 2006. Трансформация правоохранительных органов в России: социально-политические последствия // *Социологические исследования.* №2. С. 69–76 [Kolennikova, Ol'ga. 2006. "Transformatsiia pravookhranitel'nykh organov v Rossii: sotsial'no-politicheskie posledstviia." *Sotsiologicheskie issledovaniia*:69–76].
- Коленикова, Ольга, Леонид Косалс и Розалина Рывкина. 2004. Коммерциализация служебной деятельности работников милиции // *Социологические исследования.* №3: 73–83 [Kolennikova, Ol'ga, Leonid Kosals, and Rozalina Ryvkina. 2004. "Kommertsializatsiia sluzhebnoi deiatel'nosti rabotnikov militsii." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 3:73–83].
- Косалс, Леонид. 2005. *Дисфункциональные рынки в условиях российской трансформации (на примере рынка милицейских услуг).* М.: ГУВШЭ [Kosals, Leonid. 2005. *Disfunktsional'nye rynki v usloviakh rossiiskoi transformatsii (na primere rynka militseiskikh uslug).* M.: GU VShE].
- Косалс, Леонид и Алексей Изюмов. 2010. Исследования полицейской коррупции в развитых, развивающихся и трансформирующихся странах как часть проблемы изучения неформальной экономической деятельности полиции // *Экономическая социология.* №11 (2) С. 115 – 125 (http://www.ecsoc.hse.ru/data/2010/03/31/1234590642/ecsoc_t11_n2.pdf#page=115) [Kosals, Leonid, and Aleksei Iziumov. 2010. "Issledovaniia politseiskoi korruptsii v razvitykh, razvivaiushchikhsia i transformiruiushchikhsia stranakh kak chast' problemy izucheniia neformal'noi ekonomicheskoi deiatel'nosti polititsii". *Ekonomicheskaiia sotsiologiiia* 11(2):115 – 125 (http://www.ecsoc.hse.ru/data/2010/03/31/1234590642/ecsoc_t11_n2.pdf#page=115)].
- Крайдерман, Брайн, Крис О'Тул и Флерас Оги. 2005. От охраны порядка к оказанию правоохранительных услуг (опыт Канады) // *Социология межэтнической толерантности: материалы к курсу.* М.: ИС РАН. С. 29–41 [Kraiderman, Brain, Kris O'Tul, and Fleras Ogi. 2005. Ot okhrany poriadka k okazaniiu pravookhranitel'nykh uslug (opyt Kanady). *Sotsiologiiia mezhetnicheskoi tolerantnosti: materialy k kursu.* M.: IS RAN:29–41].

- Левада, Юрий. 2005. Общественное мнение о милицейском произволе // *Нарушения прав человека российскими правоохранительными органами: причины и масштабы явления, практика и эффективные методы защиты прав пострадавших. Материалы конференции 27–28 января 2005 года*. М.: Фонд «Общественный вердикт». С. 6–9 [Levada, Iurii. 2005. Obshchestvennoe mnenie o militseiskom proizvole. *Narusheniia prav cheloveka rossiiskimi pravookhranitel'nymi organami: prichiny i masshtaby iavleniia, praktika i effektivnye metody zashchity prav postradavshikh. Materialy konferentsii 27–28 ianvaria 2005 goda*. М.: Fond "Obshchestvennyi verdikt":6–9].
- Левада, Юрий. 2006. Человек недовольный? // *Вестник общественного мнения*. №85 (5). С. 12–17 [Levada, Iurii. 2006. "Chelovek nedovol'nyi?" *Vestnik obshchestvennogo mneniia* 85 (5):12–17].
- Мазаев, Юрий. 1997. Как изменяется отношение населения к милиции? // *Социологические исследования*. №11. С. 68–73 [Mazaev, Iurii. 1997. Kak izmeniaetsia otnoshenie naseleniia k militsii? *Sotsiologicheskie issledovaniia* 11:68–73].
- Мазаев, Юрий. 2004. Роль СМИ в формировании общественного мнения о милиции // *Социологические исследования*. №2. С. 106–114 [Mazaev, Iurii. 2004. Rol' SMI v formirovanii obshchestvennogo mneniia o militsii. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 2:106–114].
- Максимова, Ольга. 2011а. Методологические аспекты участвующего наблюдения в закрытых институтах // *Милиция и этнические меньшинства: практики взаимодействия* / Под ред. В. Воронкова, Б. Гладарева и Л. Сагитовой. СПб.: Алетейя. С. 565–588 [Maksimova, Ol'ga. 2011a. "Metodologicheskie aspekty uchastvuiushchego nabludeniia v zakrytykh institutakh." Pp. 565–588 in *Militsiia i etnicheskie men'shinstva: praktiki vzaimodeistviia*, edited by V. Voronkov, B. Gladarev, and L. Sagitova. SPb.: Aleteiia].
- Максимова, Ольга. 2011б. Повседневные практики взаимодействия сотрудников ППС и участковых уполномоченных с населением. Случай Казани // *Милиция и этнические меньшинства: практики взаимодействия* / Под ред. В. Воронкова, Б. Гладарева и Л. Сагитовой. СПб.: Алетейя. С. 136–172 [Maksimova, Ol'ga. 2011b. "Povsednevnye praktiki vzaimodeistviia sotrudnikov PPS i uchastkovykh upolnomochennykh s naseleniem. Sluchai Kazani." Pp. 136–172 in *Militsiia i etnicheskie men'shinstva: praktiki vzaimodeistviia*, edited by V. Voronkov, B. Gladarev, and L. Sagitova. SPb.: Aleteiia].
- Милиция и этнические меньшинства: практики взаимодействия*. 2011 / Под ред. В. Воронкова, Б. Гладарева и Л. Сагитовой. СПб.: Алетейя [*Militsiia i etnicheskie men'shinstva: praktiki vzaimodeistviia*. 2011. Edited by V. Voronkov, B. Gladarev, and L. Sagitova. SPb.: Aleteiia].
- Милиция между Россией и Чечней. Ветераны конфликта в российском обществе*. 2007. М.: Демос [*Militsiia mezhdu Rossiei i Chechnei. Veterany konfliktka v rossiiskom obshchestve*. 2007. М.: Demos].
- Молодежь и правоохранительные органы – проблема доверия. Исследовательский отчет. 2006. Сайт Фонда «Общественный вердикт». Просмотрено 15.11.2011 (<http://www.publicverdict.org/topics/research/10080207.html>) [Molodezh' i pravookhranitel'nye organy – problema doveriia. Issledovatel'skii otchet. 2006. Sait Fonda «Obshchestvennyi verdikt». Retrieved 15.11.2011 (<http://www.publicverdict.org/topics/research/10080207.html>)].
- Нарушения прав человека российскими правоохранительными органами: причины и масштабы явления, практика и эффективные методы защиты прав пострадавших. Материалы конференции 27–28 января 2005 года. 2005. М.: Фонд «Общественный вердикт» [Narusheniia prav cheloveka rossiiskimi pravookhranitel'nymi organami: prichiny i masshtaby iavleniia, praktika i effektivnye metody zashchity prav postradavshikh. Materialy konferentsii 27–28 ianvaria 2005 goda. 2005. М.: Fond «Obshchestvennyi verdikt»].
- Новикова, Асмик. 2005. Портреты рядовых милиционеров в современной правоохранительной системе // *Неприкосновенный запас*. №4. С. 86–92 [Novikova, Asmik. 2005. "Portrety riadovykh militsionerov v sovremennoi pravookhranitel'noi sisteme." *Neprikosnovennyi zapas* 4:86–92].

- Новикова, Асмик. 2006. Актуальные проблемы правоохранительных органов с точки зрения внутренних экспертов (материалы кабинетного исследования). Сайт Центра «Демос». Просмотрено 15.11.2011 (<http://www.demos-center.ru/projects/52FB039/52FB2A9/1112012251>) [Novikova, Asmik. 2006. Aktual'nye problemy pravookhranitel'nykh organov s tochki zreniia vnutrennikh ekspertov (materialy kabinetnogo issledovaniia). Sait Tsentra «Demos». Retrieved 15.11.2011 (<http://www.demos-center.ru/projects/52FB039/52FB2A9/1112012251>)].
- Оукли, Робин. 2007. *Работа полиции с преступлениями и проявлениями насилия на расовой почве. Сравнительный анализ*. СПб.: Права человека [Oukli, Robin. 2007. *Rabota politzii s prestupleniiami i proiavleniiami nasiliia na rasovoi pochve. Sravnitel'nyi analiz*. SPb.: Prava che-loveka].
- Салагаев, Александр. 2004. «Рука руку моет»: неформальные связи организованных преступных группировок с правоохранительными органами Республики Татарстан. Научный отчет. Сайт Центра изучения терроризма, транснациональной преступности и коррупции (TraCCC). Просмотрено 15.11.2011 (http://www.tracc.gmu.edu/pdfs/publications/corruption_publications/salaga01.doc) [Salagaev, Aleksandr. 2004. «Ruka ruku moet»: neformal'nye sviazi organizovannykh prestupnykh gruppировок s pravookhranitel'nymi organami Respubliki Tatarstan. Nauchnyi otchet. Sait Tsentra izucheniiia terrorizma, transnatsional'noi prestupnosti i korruptsii (TraCCC). Retrieved 15.11.2011 (http://www.tracc.gmu.edu/pdfs/publications/corruption_publications/salaga01.doc)].
- Поботкин, Юрий. 2006. Роль общественных советов при ОВД субъектов ПФО в деятельности по предотвращению разжигания национальной розни // *Проблемы дискриминации граждан по национальному признаку и деятельность правоохранительных органов в современной России: материалы международного научно-практического семинара* / Под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России. С. 51–58 [Pobotkin, Iurii. 2006. Rol' obshchestvennykh sovetov pri OVD sub'ektov PFO v deiatel'nosti po predotvrashcheniiu razzhiganiia natsional'noi rozni // Problemy diskriminatsii grazhdan po natsional'nomu priznaku i deiatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennoi Rossii: materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminar / Pod red. V.M. Baranova. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskaiia akademiia MVD Rossii. S. 51–58].
- Погодина, Татьяна. 2006. Патологические особенности этнической толерантности и их влияние на деятельность сотрудников органов внутренних дел // *Проблемы дискриминации граждан по национальному признаку и деятельность правоохранительных органов в современной России: материалы международного научно-практического семинара* / Под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России. С. 117–121 [Pogodina, Tat'iana. 2006. Patofiziologicheskie osobennosti etniche-skoï tolerantnosti i ikh vliianie na deiatel'nost' sotrudnikov organov vnutrennikh del // Problemy diskriminatsii grazhdan po natsional'nomu priznaku i deiatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennoi Rossii: Materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminar / Pod red. V.M. Baranova. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskaiia akademiia MVD Rossii. S. 117–121].
- Полиция в многокультурном обществе: сборник научных статей*. 2004 / Под ред. М. Галдия. Ростов н/Д: Terra [Politsiia v mnogokul'turnom obshchestve: sbornik nauchnykh statei. 2004. Edited by M. Galdia. Rostov n/D: Terra].
- Произвол правоохранительных органов – практики и первопричины: вопросы правосознания, правовой культуры и правового поведения граждан России. Сайт Московской Хельсинкской группы. Просмотрено 15.11.2011 (<http://www.mhg.ru/projects/arch/31275FC>) [Proizvol pravookhranitel'nykh organov – praktiki i pervoprichiny: voprosy pravosoznaniia, pravovoi kul'tury i pravovogo povedeniia grazhdan Rossii. Sait Moskovskoi Khel'sinskoi gruppy. Retrieved 15.11.2011 (<http://www.mhg.ru/projects/arch/31275FC>)].
- Реформа правоохранительных органов: преодоление произвола*. 2005. М.: Демос [Reforma pravookhranitel'nykh organov: preodolenie proizvola. 2005. M.: Demos].

- Сафронов, Александр. 1997. Проблемы риска в деятельности органов МВД // *Социологические исследования*. №11. С. 74–77 [Safronov, Aleksandr. 1997. "Problemy riska v deiatel'nosti organov MVD." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 11:74–77].
- Синельщиков, Юрий. 1999. Незаконное задержание // *Законность*. №2. №7–10 [Sinel'shchikov, Iurii. 1999. "Nezakonnoe zaderzhanie." *Zakonnost'* 2:7–10].
- Синельщиков, Юрий. 2000. Насилие к задержанным: реальность и перспективы борьбы // *Законность*. №1. С. 10–13 [Sinel'shchikov, Iurii. 2000. "Nasilie k zaderzhannym: real'nost' i perspektivy bor'by." *Zakonnost'* 1:10–13].
- Тарасов, Николай. 2002. Причины и условия совершения преступлений сотрудниками правоохранительных органов // *Закон и право*. №9. С. 40–42 [Tarasov, Nikolai. 2002. "Prichiny i usloviia soversheniia prestuplenii sotrudnikami pravookhranitel'nykh organov." *Zakon i pravo* 9:40–42].
- Тейлор, Брайан. 2005. Правоохранительные органы и гражданское общество в России // *Отечественные записки*. №6. С. 148–162 [Teilor, Braian. 2005. "Pravookhranitel'nye organy i grazhdanskoe obshchestvo v Rossii." *Otechestvennye zapiski* 6:148–162].
- Трубина, Елена. 2010. Джунгли, базар, организм и машина: классические метафоры города и российская современность // *Неприкосновенный запас*. №2. С. 223–243 [Trubina, Elena. 2010. "Dzhungli, bazar, organizm i mashina: klassicheskie metafory goroda i rossiiskaia sovremennost'." *Neprikosnovennyi zapas* 2:223–243].
- Чешкова, Анастасия. 2000. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации // *Российское городское пространство: попытка осмысления*. М: Моск. обществ. науч. фонд. Серия «Научные доклады». С. 13–38 [Cheshkova, Anastasiia. 2000. Metodologicheskie podkhody k izucheniiu gorodskoi prostranstvennoi segregatsii. *Rossiiskoe gorodskoe prostranstvo: popytka osmysleniia*. М: Mosk. obshchestv. nauch. fond. Seriia «Nauchnye doklady»:13–38].
- Физическое насилие в правоохранительных органах (опрос врачей и фельдшеров скорой помощи и травмпунктов). 2004. Сайт Фонда «Общественный вердикт». Просмотрено 15.11.2011 (<http://www.publicverdict.org/topics/police/nasilie.html>) [Fizicheskoe nasilie v pravookhranitel'nykh organakh (opros vrachei i fel'dsherov skoroi pomoshchi i travmpunktov). 2004. Sait Fonda "Obshchestvennyi verdikt". Retrieved 15.11.2011 (<http://www.publicverdict.org/topics/police/nasilie.html>)].
- Халиуллина, Лейсан. 2005. Спрос на правонарушения и практика контроля за соблюдением правил дорожного движения // *Экономическая социология*. №6(1). С. 69–77. Просмотрено 15.11.2011 (http://www.ecsoc.hse.ru/data/662/588/1234/ecsoc_t6_n1.pdf#page=69) [Khaliullina, Leisan. 2005. "Spros na pravonarusheniia i praktika kontroliia za sobliudeniem pravil dorozhnogo dvizheniia." *Ekonomicheskaiia sotsiologiiia* 6(1). S. 69–77. Retrieved 15.11.2011 (http://www.ecsoc.hse.ru/data/662/588/1234/ecsoc_t6_n1.pdf#page=69)].
- Ходжаева, Екатерина. 2010. «Под недремлющим оком»: трудовые мигранты и милиция в Казани // *Неприкосновенный запас*. №3. С. 180–194 [Khodzhaeva, Ekaterina. 2010. "Pod nedremlushchim okom": trudovye migranty i militsiia v Kazani." *Neprikosnovennyi zapas* 3:180–194].
- Щедрина, Ольга. 2005. Возможности использования принципов мультикультурализма в практике поддержания правопорядка в полиэтничных городах. Дисс. на соискание степени канд. социол. наук. На правах рукописи [Shchedrina, Ol'ga. 2005. *Vozmozhnosti ispol'zovaniia printsipov mul'tikul'turalizma v praktike podderzhaniiia pravoporiadka v polietnichnykh gorodakh*. Diss. na soiskanie stepeni kand. sotsiol. nauk. Na pravakh rukopisi.].
- Экономическая деятельность работников милиции: масштабы, причины и последствия*. 2003. М.: ИСЭПН РАН [Ekonomicheskaiia deiatel'nost' rabotnikov militsii: masshtaby, prichiny i posledstviia. 2003. М.: ISEPN RAN].
- Этнически избирательный подход в действиях милиции в московском метро*. 2006. М.: Новая юстиция [Etnicheski izbiratel'nyi podkhod v deistviakh militsii v moskovskom metro. 2006. М.: Novaia iustitsiia.].

- Favarel-Garrigues, Gilles et Anne Le Huérou. 2004. «State and the Multilateralization of Policing in Post-Soviet Russia.» *Policing and Society* 14(1):13–30.
- Gerber, Theodore, and Sarah Mendelson. 2008. “Public Experiences of Police Violence and Corruption in Contemporary Russia: A Case of Predatory Policing?” *Law and Society Review* 42(1):1–44.
- Kosals, Leonid. 2010. “Police in Russia: Reform or Business Restructuring?” *Russian Analytical Digest* 84:2–5. Retrieved: 15.11.2011 (<http://www.res.ethz.ch/analysis/rad/details.cfm?lng=en&id=122802>).
- Le Huérou, Anne. 2002. “Des pratiques locales de se ´curite ´ hybrides. Le cas de la Russie.” *Les Cahiers de la sécurité intérieure* 50:19–42.

Приложение

Таблица

Номенклатура социальных категорий в службе УУМ³⁰

Группа	Личные данные
Фиксируемые в паспорте административного участка и паспорте дома	
сотрудники органов внутренних дел и военнослужащие	ФИО, адрес м.ж., д.тел., м.р., долж., р.тел., вид, модель табельного оружия, находящегося на постоянном хранении
внештатные сотрудники милиции	ФИО, адрес м.ж., д.тел., м.р., долж., р.тел., отдел внутренних дел, выдавший удостоверение внештатному сотруднику милиции
лица, имеющие в личном пользовании нарезное, гладкоствольное, газовое оружие	ФИО, адрес м.ж., д.тел., м.р., долж., р.тел., вид оружия, марка, калибр, количество стволов, зарядов; номер разрешения на хранение, ношение оружия и орган, его выдавший; дата выдачи разрешения / дата окончания действия – продления разрешения
<ul style="list-style-type: none"> - ранее судимые лица; - лица, освобожденные из мест лишения свободы, в отношении которых установлены ограничения в соответствии с законом; - лица, приговоренные к уголовному наказанию, не связанному с лишением свободы; - лица, освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям 	ФИО, д. и м. рождения, адрес м.ж., д.тел., м.р., долж., р.тел., наличие судимости, статья УК Российской Федерации, дата освобождения из мест лишения свободы, дата постановки на учет, дата снятия с учета

³⁰ Сокращения: «ФИО» – фамилия, имя и отчество, «адрес м.ж.» – адрес места жительства, «д.тел.» – домашний телефон, «м.р.» – место работы, «р.тел.» – рабочий телефон, «долж.» – должность, «д. и м. рожд.» – дата и место рождения.

Продолжение табл.

<ul style="list-style-type: none"> - лица, предоставляющие помещения для занятия проституцией, наркоманией, токсикоманией; - лица, совершающие правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений; - лица – хронические алкоголики, состоящие на учете в учреждениях здравоохранения; - лица, больные наркоманией, а также допускающие потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача, состоящие на учете в учреждениях здравоохранения; - лица, психически больные, представляющие непосредственную опасность для себя и окружающих, состоящие на учете в учреждениях здравоохранения; - лица – несовершеннолетние, состоящие на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних; - лица, уклоняющиеся от военной службы, из числа проживающих на административном участке; - лица, находящиеся в розыске, из числа проживающих на административном участке 	<p>ФИО, д. и м. рождения, адрес м.ж., д.тел., м.р., долж., р.тел., наличие правонарушений, даты их совершения, дата постановки на учет, дата снятия с учета</p>
<p>лица, входящие в неформальные молодежные объединения экстремистского толка</p>	<p>ФИО, д. и м. рождения, адрес м.ж., д.тел., м.р., долж., р.тел., наименование молодежного объединения экстремистского (политического, религиозного, фашистского) толка, дата постановки на учет, дата снятия с учета</p>
<p>лица, задерживавшиеся за нарушения общественного порядка при проведении массовых мероприятий</p>	<p>ФИО, д. и м. рождения, адрес м.ж., д.тел., м.р., долж., р.тел., дата, основание постановки на учет, дата снятия с учета</p>

Продолжение табл.

постоянно проживающие иностранные граждане и лица без гражданства	ФИО, д. и м. рождения, адрес м.ж., д.тел., м.р., долж., р.тел., дата, основание постановки на учет, дата снятия с учета, наличие правонарушений, даты их совершения
Фиксируемые только в паспорте дома	
лица, сдающие квартиры (дома) в поднаем	Ф.И.О. владельца, жителя квартиры/дома, адрес м.ж., д.тел.; лица, снимающие квартиру/дом, и их установочные данные; наличие временной регистрации, срок ее окончания
лица, имеющие в личном пользовании автотранспорт	ФИО, адрес м.ж., д.тел., марка, модель, цвет, год выпуска, государственный регистрационный номер, место стоянки, парковки
лица, имеющие собак	ФИО, адрес м.ж., д.тел., порода, окрас, кличка, особые приметы, наличие прививок, сроки действия